

Н. И. ЖУКОВСКИЙ — ОГАРЕВУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Три публикуемых письма Николая Ивановича *Жуковского* (1842—1895), видного участника женевской эмиграции шестидесятых — семидесятых годов, очень существенны для выяснения одного из принципиальных вопросов русского революционного движения — истории взаимоотношений Герцена и Огарева с представителями «молодой эмиграции». Жуковский эмигрировал из России летом 1862 г. в связи с грозившим ему арестом по делу раскрытой правительством в Петербурге тайной типографии студента П. Д. Баллода. В Лондоне он встретил дружеский прием со стороны Герцена и Огарева. Первые годы своей эмигрантской жизни Жуковский был занят транспортировкой изданий Вольной русской типографии в Россию. Для этой цели он поселился, по указанию Герцена, в Дрездене. С 1864 г. Жуковский жил в Швейцарии, и его имя было неизменно связано со всеми начинаниями «молодой эмиграции», направленными на установление совместной деятельности с издателями «Колокола»: он был участником так называемого женевского съезда русской революционной эмиграции (1864) и переговоров Герцена и Огарева с Н. И. Утиным и Л. И. Мечниковым о совместном издании журнала под старым названием «Полярная звезда», символизировавшим преемственность революционных традиций (1867).

В первом из публикуемых писем Жуковского (датируется нами концом сентября 1867 г.) нашла свое отражение острая политическая дискуссия между Герценом и Огаревым и «молодой эмиграцией» — о перспективах русской революции. Оценка положения дел в России, объективные возможности крестьянской революции и, в связи с этим, задачи революционной пропаганды — таков круг политических вопросов, затрагиваемых Жуковским в его письме. Та часть письма, в которой он останавливается на упомянутых выше вопросах, — непосредственный отклик на цикл статей Огарева в «Колоколе», «Частные письма об общем вопросе» и, в особенности, на последнюю статью этого цикла — «Письмо между четвертым и пятым», напечатанную в лл. 237, 239 и 240 (март—май 1867 г.). «Письма» Огарева разрабатывали теорию социализма вообще и основ «русского социализма» и отвечали на вопрос «что делать?», который ставила перед Герценом и Огаревым «молодая эмиграция».

Указывая, что окончательное переустройство русской жизни, то есть переход всех земель, помещичьих и казенных, в руки крестьянских общин, возможно только революционным путем, Огарев не видел, тем не менее, необходимых для этого «революционных средств». По мысли Огарева, необходимо было путем широкой организации народного кредита всемерно углублять начавшийся в России процесс «ликвидации» помещичьей и казенной поземельной собственности и передачу ее в собственность крестьянских общин. Эта ошибочная точка зрения являлась следствием неправильной оценки правительственных реформ и их социальных результатов. Огарев полагал, что отчуждаемая часть помещичьей земли является экономической основой для социалистического развития общины, в то время как в действительности земля переходила в руки сельской и городской буржуазии. На ошибочность этих представлений Огарева справедливо указал в первом из публикуемых писем Жуковский, подчеркнувший, что, хотя правительство поневоле хочет «улучшить быт крестьян», «воли мужику из этого не выйдет потому, что все-таки правительство не может перестать быть дворянским и братьев своих дворян будет поддерживать во что бы то ни стало».

Высказывания Жуковского о неизбежности крестьянской революции, успех которой может быть обеспечен только при условии, что в народные массы будет внесен «элемент науки, с одной стороны, и с другой — элемент политических факторов», свидетельствуют о том, что существующее представление о Жуковском, как безоговорочном последователе Бакунина, чрезмерно упрощено и не совсем точно. Отводя ведущую роль революционной разночинной интеллигенции в крестьянской революции, Жуковский, как мы видим, обращал особое внимание Огарева на необходимость революционной пропаганды и «умственного развития» революционной интеллигенции. Участие Огарева в этой работе он придавал большое значение. Вот почему в момент прекращения издания «Колокола» он вновь возбуждает вопрос об организации заграничного русского органа, который должен был, по его представлению, продолжить дело «Современника».

Как видно из этого письма, переговоры Герцена и Огарева с представителями «молодой эмиграции», начатые в январе 1867 г., о совместном издании журнала, продолжались и осенью в дружеском, доброжелательном тоне и были направлены на дальнейшее обсуждение программных установок для нового журнала. Выступление Серно-Соловьевича в мае того же года с брошюрой «Наши домашние разногласия», содержащей резкую критику позиций Герцена, не повлекло за собой полного разрыва Герцена и Огарева с представителями молодой революционной эмиграции.

Активная роль Жуковского в переговорах об организации заграничного революционного органа не была случайной. И в дальнейшей своей деятельности Жуковский принимал участие в ряде изданий политических эмигрантов.

В конце 1867 г. Жуковский близко сошелся с Бакуниным, переехавшим тогда в Женеву. Вместе с Утиным они организовали журнал «Народное дело» (1868). Вслед за Бакуниным Жуковский покинул «Лигу мира и свободы» и вошел в созданный Бакуниным «Альянс» — женевскую секцию I Интернационала, из которого вышел в 1872 г., после исключения из Интернационала Бакунина.

Жуковский не порывал в эти годы своих отношений с Огаревым. Как видно из второго публикуемого письма, он связывал Огарева не только с представителями «молодой эмиграции», но и с лицами, на время приезжавшими из России. Жуковский принял активное участие в бакунинско-нечаевской агитационной кампании 1869 и 1870 гг., в которой, как известно, руководящая роль принадлежала и Огареву.

Последнее из публикуемых писем конца 1869 г. отражает беспокойство Огарева по поводу происшедших в России арестов по «нечаевскому делу». Сообщаемые Жуковским сведения, несомненно, являются дополнением к какой-то более ранней, вероятно, устной информации по этому вопросу. Из письма Огарева к Герцену от 22 декабря 1869 г. известно, что Огарев посылал Жуковского «за Женеву осведомиться, что и как случилось, какие аресты в Петербурге, что за обыск у Черк(есова) в лавке и т. д.» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 571).

Письмо 1 печатается по автографу «софийской коллекции», письма 2 и 3 — по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 150).

1

«Конец сентября 1867 г.»¹

Дорогой Николай Платонович!

Начинаю письмо следующей новостью, полученной на днях из Петербурга:

«Кельсиев, решившись возвратиться в Россию, был доставлен в III Отделение, где ему и начали предлагать вопросы. Вместо устных объяснений он просил позволения дать ответы письменно. Согласились. Он написал целую книгу. Государь имел терпение прочитать ее до конца, и на полях сделана пометка: „От суда и следствия освободить...“ Кельсиев будет писать в „Отечественных записках“ и хочет напечатать свою исповедь...»

А Мартыанов-то ² думал, что земский царь будет «его выслушивать» — и вдруг эта доля выпадает Кельсиеву. Раскольничий мир не поднес ему

РАБОТНИКЪ

ГАЗЕТА ДЛЯ РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ

Письма, статьи и делаги посылаются на слѣдующій адресъ: André PELLUQUET, rue des Glacis-de-Rive, 9, Genève.

пѣснь о землѣ и волѣ
(изъ голоса „вѣсть по изустной орачѣ“)

Какъ со мѣтучки со Волги,
Со широкаго разлива,
Поднялась толпой-народомъ
Сила русская сплоченная.

Поднялась спокойнымъ строемъ,
Да какъ клиннетъ громкимъ кличемъ:

Добры молодцы идите,
Добры молодцы собирайтесь

Съ берега моря леднигого,
Со степнаго Черноморья,
Изъ родной волжской Руси,
По Украйнѣ по казачьей

Отгонимъ мы нашу Землю,
Отгонимъ мы нашу Волю,
Чтобъ Земля намъ да досталась,
Воля воляная сложилась,
Барской злобы не пугайся,
Властью царской не томилась!

Н. Огаревъ

ГАЗЕТА «РАБОТНИКЪ» (№ 13, ЯНВАРЬ 1876 г., ЖЕНЕВА). ЗАГЛАВНАЯ СТРАНИЦА СО СТИХОТВОРЕНИЕМЪ ОГАРЕВА «ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ И ВОЛЕ» (ОТРЫВОКЪ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗАБЫТЬЕ») И ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ НА СЮЖЕТЪ ЭТОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

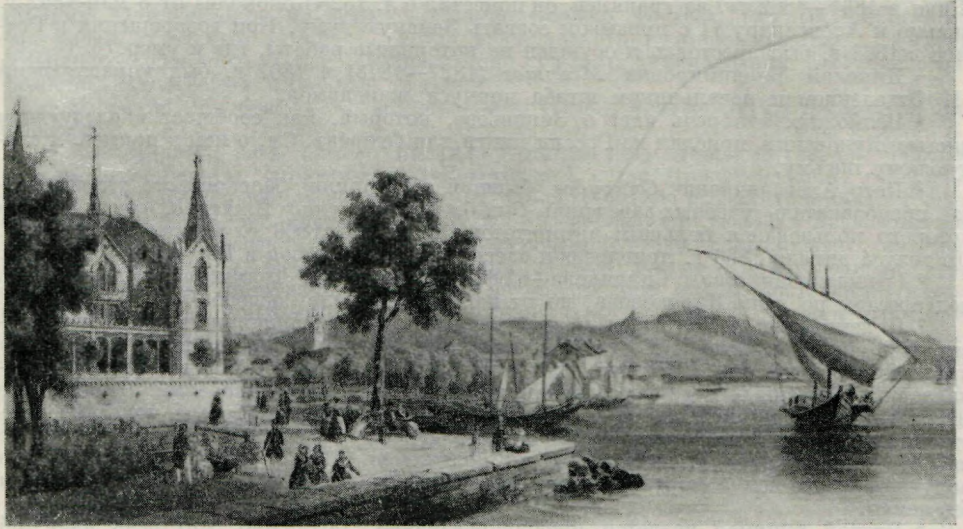
Институтъ Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

«ореола» (а уж как ждал-то его В. И.!) — пришлось идти за венцом в переднюю Мезенцова³; этим путем гораздо легче сделаться великим человеком.

Письмо, переданное мне Тхоржевским, я поручил З.⁴ — будьте уверены, что оно дойдет по назначению. По руке я узнал, чье оно. Уже давно говорил я Спиридову⁵, что писать ему в Москву до поры до времени не следует, таково решение его жены⁶. Переписка очень повредила ей по следствию. Но Спиридов находится в таком ужасном положении, что едва ли может решиться совсем не писать, а потому потрудитесь внушить ему, чтоб он писал хоть пореже. Следствие еще не кончено, жена его под надзором полиции; попадись какая-нибудь ничтожная записка на почте — вот и новая беда.

Что перестройка русская только и может быть крестьянскою — в этом ни малейшего сомнения нет и быть не может. Правительство везде поневоле «хочет улучшить быт крестьян»; в Польше оно дало землю 350 000 крестьянским семьям; стоит остзейским немцам попробовать перекинуться на сторону Бисмарка — и посмотрите, что часть земель их перейдет к жмудицам и латышам⁷. Все это чрезвычайно хорошо, но воли мужику из этого не выйдет потому, что все-таки правительство не может перестать быть дворянским и братьев своих дворян будет поддерживать во что бы то ни стало. Вот почему я думаю, что волю народ возьмет только сам и без Пугачева дело не обойдется. Но для того, чтоб Пугачев имел успех, ему надо принять в свои ряды недостающий народу элемент науки, с одной стороны, и, с другой — элемент политических факторов (если можно так выразиться), без которого не может удержаться социальный строй. Неудача Разина служит верным тому доказательством. Где же наука и политические факторы-исполнители, которые нужны народу? Мне кажется, что эти элементы заключены в городском интеллигентном пролетариате, все больше и больше скопляющемся в Петербурге и Москве. Вот почему я и не разделяю вашего взгляда на него. Прежде всего скажу вам, что он не дворянский, а по преимуществу семинарский с дворянской и чиновничьей примесью — разночинцы. Со скамей семинарий и духовных академий, из-за столов разных полицейских управлений и городских ратуш начала молодежь копиться в Петербурге уже с 1857 года. Освобождение крестьян прихлопнуло мелкопоместных; им стало нечем кормить детей — родительская злоба росла пропорционально убыли грошей в кошеле — семья сделалась еще отвратительнее, еще тяжелее — и вот молодые девушки, слышав, что в столицах работу дают и учат и книги дают читать, пошли десятками в Петербург и Москву. Прошу вас войти в их круг. Это всё душой народу преданные люди; но они теперь, в особенности теперь, ничего не умеют, ничего не знают — *и нечего им есть*. Стань на землю они бы и хотели (О.Г.?)⁸ говорит, что в Москве находились люди, приглашавшие молодежь идти на их земли и заводить земледельческие общины; но смуты последние помешали, с одной стороны, а с другой вожак воспротивился такому движению, чтоб не давать революционной силе тратиться. — Мнение глупое, которое, конечно, осталось бы бессильным). Допустим, что молодежь и хочет стань на землю, но это в настоящее время неисполнимо. Правительство не позволит из боязни сближения молодежи с народом, да и община земли не уступит, потому что у самой мало. Остается одно средство стань на землю: купить ее на Амуре да и организовать в общину. Денег нет! Да и хорошо ли, что все пойдут вон из России; без копошащейся за свободу молодежи нельзя обойтись в России. Вот почему против проекта переселения на Амур страшно восстал недавно сосланный Юрасов⁹. Как же поддерживать пролетариату? Городской ассоциацией, мануфактурной артелью. Это до поры до времени единственное средство¹⁰. Я уже сказал, что счи-

таю разночинцев будущими политическими факторами, проводителями и водворителями новой жизни. Пролетариат этот нужен народу, а потому-то он меня и интересует. Кроме нужд экономических, пролетариат терпит и от обеднения умственного, которое замечается все больше и больше. Дух революции, дух страстной ненависти к официальной России и дух преданности к социальной религии в нем жив еще сильно; но по мере удаления поколений от «Современника» содержание начинает тратиться, дело сводится все больше к формализму, а отсюда все безобразия. Пролетариат начинает утрачивать мысль, и это потому, что ему решительно нечего читать, не у кого учиться! Молодые люди носятся

ВЕВЭ

Раскрашенная литография, 1866 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

с Фурье, Прудоном, Консидераном, Сен-Симоном и просят переводить им отрывки, Фурье сводится на какие-нибудь фразы о своднях-утешительницах. Только ясное изложение исторически всех учений социализма, изложение критическое и основательное, может положить конец этому безобразию потому, что только так (мне кажется) и можно выяснить религию социализма. — Вот, по-моему, задача первого отдела «Полярной звезды». Второй отдел должен представлять картину развития социальной жизни из русской общины, т. е. должен пытаться объяснить, как из земледельческой артели должна тут же в селе выйти община индустрии, община торговли. До сих пор говорилось об этом только вскользь, а теперь надо построить целую систему жизни социальной на русской общине. Такая постройка пойдет рядом ошибок и промахов, но надо когда-нибудь начать их делать, иначе вопрос наш, при всей своей жизненности, начинает словно замирать. Третий отдел. Практические попытки Запада, т. е. ныне действующие в Европе ассоциации. Их устройство, их успехи, неуспехи. — Вот о чем нужно думать и что нужно узнать городскому интеллигентному пролетариату для того, чтобы с успехом послужить крестьянской революции. — Кто же поддержит умственное развитие пролетариата? Только заграничная пресса. Он может стать интеллигенцией социализма, живущего на русском поле. И я вместе с вами считаю это поле началом всего — но прошу же и вас

Обратить внимание на интеллигенцию социализма, без которой полю обойтись нельзя, без которой оно будет изнывать под тяжестью своего проклятого земского царя с его баскаками, норовящими надеть на себя маску социализма.

А что же список нужных вам книг?

Мои все жмут вам руку. Душой вам преданный

Н. Жуковский

¹ Письмо может быть датировано довольно точно благодаря фактам, сообщаемым о Кельсиеве.

² Петр Алексеевич *Мартыанов* (1834—1865) — сын крепостного крестьянина. Живя в 1861—1862 гг. за границей, он поместил в л. 132 «Колокола» от 8 мая 1862 г. письмо к Александру II с призывом созвать Земскую думу. При возвращении в Россию в 1863 г. был арестован и осужден на каторжные работы, где и умер.

³ Николай Владимирович *Мезенцов* (1827—1878) в 1867 г. был управляющим III Отделением и начальником штаба корпуса жандармов.

⁴ Возможно, что речь идет о Зиновьеве, который, как сообщает в следующем письме Жуковский, прислал из России книги для Огарева. См. о нем в примеч. к следующему письму.

⁵ Петр Александрович *Спиридов*, бывший воспитанник Московского университета, преподаватель учебных заведений, был близок к кружку Ишутина, среди членов которого пользовался большим авторитетом. В январе 1866 г. выехал за границу. По делу 4 апреля 1866 г. привлечен к следствию, но на вызов в Россию не вернулся.

⁶ Гражданская жена Спиридова—Софья Дмитриевна Теликовская находилась под арестом по делу Каракозова, но от наказания была освобождена.

⁷ Полемизируя с Огаревым против переоценки им социального значения правительственных мероприятий по крестьянскому вопросу, в частности — проведения крестьянской реформы в Польше (указом от 19 февраля 1864 г.). Жуковский подчеркивает вынужденный и демагогический характер этих преобразований. Приводимые Жуковским цифры нуждаются в уточнении. В результате реформы польские крестьяне получили 2 миллиона моргов из помещичьих и казенных земель, но это не внесло радикального улучшения в их положение. 129 197 крестьянских дворов получили менее чем 3 морга на двор, около 500 тысяч крестьян — остались совсем без земли.

⁸ Второй инициал читается предположительно. Возможно, что речь идет об Ольге Степановне Левашовой, сестре жены Жуковского.

⁹ Дмитрий Алексеевич *Юрасов* (1842—?) — участник обществ «Организация» и «Ад». По процессу Каракозова приговорен к ссылке в каторжные работы на десять лет. Каторгу отбывал в Александровском заводе.

¹⁰ Первые практические попытки революционеров в организации пропагандистских коммун нашли полную поддержку у Огарева (см. об этом в т. 61 «Лит. наследства» — «О пропагандистских земледельческих коммунах» и в настоящем томе, в публикации писем А. А. Кривля).

2

8 января 1868
Vevey, Chemenin

Посылаю вам, дорогой Николай Платонович, «Временник Российской империи» и Судебный указатель ¹. Прислал их Рагозин ². Есть для вас и календарь на 68 г., да я забыл захватить его из дома. Получили ли вы четыре тома уставов? ³ Их прислал Зиновьев ⁴.

Мы всё еще надеемся вас видеть. Как потеплее будет, так вы приезжайте к нам дня на два отдохнуть: мы будем рады, а гулять есть где.

На днях приехал с Ветлуги и В. Н. Левашов ⁵. Он совсем хороший человек, но пришиблен безуспешностью своей работы на пользу крестьянства и потому все рисует мрачными красками, как, впрочем, и все приезжающие теперь из России; но я думаю, что насколько лет пять тому назад преувеличивали, говоря в сторону плюса, так теперь преувеличивают к минусу крестьянские настроения. Если вы к нам не соберетесь, что будет прискорбно, так надо В. Н. к вам привезти.

Ваш Жуковский

Тхоржевскому общий поклон посылаем и тоже зовем в Chemenin.

¹ Огареву были посланы следующие издания: «Статистический временник Российской империи», т. I. СПб., изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1866; А. К о к о в ц е в. Алфавитный указатель к судебным уставам 20 ноября 1864 г., изд. 2. СПб., 1867.

² Виктор Иванович *Рагозин* (1825 — ?) служил управляющим волжского пароходного общества «Дружина». 7 июня 1862 г. был арестован по делу о «распространении возмутительных воззваний». По постановлению следственной комиссии «за способствование пропаганде среди крестьян в прибрежьях Волги» был выслан в том же году под надзор полиции в Н.-Новгород, а затем переехал в Костромскую губернию. С этого времени отошел от участия в революционном движении, хотя и продолжал оставаться в оппозиции правительству. В 1864 г. получил разрешение на переезд в Петербург; освобожден от надзора в 1868 г. Впоследствии сделался крупным нефтепромышленником.

³ Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 г., завершили собой судебную реформу. Они состояли из четырех самостоятельных уставов, каждый из которых был издан отдельным томом: 1. Устав гражданского судопроизводства, 2. Устав уголовного судопроизводства, 3. Учреждение судебных установлений, 4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

⁴ Вероятно, это брат А. С. Жуковской и О. С. Левашовой, урожденных Зинovieвых.

⁵ Повидимому, речь идет о Василии Николаевиче *Левашове* (1814—?), либерально настроенном помещике Макарьевского уезда Нижегородской губернии, неоднократно избиравшемся на дворянских выборах: в 1854 г. был Ардатовским уездным предводителем дворянства, в 1865 г. — Семеновским уездным предводителем дворянства. Макарьевский и частично Семеновский уезды расположены на реке Ветлуге («приехал с Ветлуги»). Сплошные лесные массивы этого района, при очень небольшом количестве пахотной неплодородной земли, составляли казенную и помещичью собственность. Даже официальные источники должны были признать, что положение крестьян этих уездов «не обеспечивалось получаемым ими наделом в соразмерности его с повинностями» («Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом», под ред. А. С. Гапского, т. I. Н.-Новгород, 1867, стр. 59). Проведение реформы в этом районе затянулось на много лет и сопровождалось упорной борьбой крестьян с помещиками.

3

(Вевз.) 31 декабря (1869 г.)¹

Дорогой Николай Платонович! Простите великодушно; с книгой вышла преглупая штука. Самому мне отлучиться было невозможно, а девушка, которой я поручил отнести, забыла мое поручение и оставила книгу у себя на столе. Теперь посылаю ее вам². Вложенное письмо прошу вас отослать Герцену, я не знаю его адреса³. Я прошу его помочь княгине 500 франками, которые через месяц будут возвращены⁴.

В России аресты продолжаютс⁵; в Петербурге арестовано до шестидесяти человек, в Москве — до сорока. В Петербурге, между прочим, арестован Негрескул.

Преданный вам Жуковский

¹ Год уточняется по сообщению об аресте 4/16 декабря 1869 г. М. Ф. Негрескула, о котором см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 286.

² О какой книге идет речь — установить не удалось.

³ Герцен жил в это время в Париже.

⁴ Речь идет о близкой к русским эмигрантским кругам в Швейцарии княгине Зое Сергеевне Оболенской, у которой муж отнял детей с помощью швейцарской полиции (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 563). Герцен принял большое участие в судьбе Оболенской. В письме к М. К. Рейхель от 9 октября 1869 г. он писал, что «бросил Швейцарию за гнусные поступки с Оболенской, за подкупленных адвокатов и жандармов. Я в Париже это дело поднял, но наши революционные утаты и бараны ничего не умеют делать и пропустили все сквозь руки» (XXI, 501). Отрицательно оценивая все мероприятия «молодой эмиграции» в деле Оболенской, Герцен отказал в просьбе Жуковского, переданной через Огарева (там же, 547).

⁵ Имеются в виду аресты по нечаевскому делу.